

Сычалина Екатерина Вячеславовна

ОППОЗИЦИЯ "СВОЙ-ЧУЖОЙ" В МИКРОТОПОНИМИИ ПОВОЛЖСКИХ НЕМЦЕВ

В статье, посвященной изучению островной топонимии поволжских немцев, описана решающая роль оппозиции "свой-чужой" в ментально-языковом освоении пространства аллохтонным коллективом. Анализируются предпосылки формирования особого островного менталитета, определившего тенденцию к самоизоляции миноритарного этноса. В фокусе внимания - способы её языковой реализации в топонимических микросистемах языковых островов. Работа основана на ранее не исследовавшемся архивном материале.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/7-1/59.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37): в 2-х ч. Ч. I. С. 202-205. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Таким образом, в результате эксперимента была выявлена низкая степень восприятия сленговой лексики иностранными студентами. Это обусловлено, в первую очередь, тем, что сленг не изучается в вузах, и, следовательно, узнать его иностранцы могут лишь в бытовом общении с русскими студентами. Однако большинство иностранцев предпочитают в неформальной обстановке общаться с соотечественниками на родном языке, тем самым лишают себя возможности понять молодежный жаргон. На наш взгляд, изучение жаргонной лексики необходимо, так как этот своеобразный «язык в языке» существует не только в устной речи, но все чаще и чаще функционирует на страницах газет и журналов.

Список литературы

1. **Борисова-Лухашенец Е. Г.** О лексике современного молодежного жаргона (Англоязычные заимствования в студенческой среде 60-70-х годов) // Литературная норма в лексике и фразеологии. М.: Наука, 1983. С. 104-120.
2. **Головин Б. Н.** Основы культуры речи: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1980. 438 с.
3. **Марочкин А. И.** Эмоциональная лексика молодежного жаргона // Язык и эмоции. Волгоград: Перемена, 1995. С. 69-75.
4. **Словарь молодежного сленга** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/slang.html> (дата обращения: 02.04.2014).
5. **Шаховский В. И.** Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987. 190 с.

**RUSSIAN YOUTH JARGON: THE PROBLEMS
OF DEVELOPING ORAL COMPETENCE OF FOREIGN STUDENTS**

**Serysheva Yuliya Vyacheslavovna
Li Chun'yan'**

*National Research Tomsk Polytechnic University
eifrige@sibmail.com*

The article examines the specifics of the perception of the units of Russian youth jargon by foreign students. In spite of the wide range of scientific papers devoted to the methodology of teaching Russian as a foreign language the problems of reasonability of teaching foreign students Russian jargon are relevant. The associative experiment identified the low level of perception of the investigated units by the foreigners and enabled to describe the reasons influencing the nature of perception of slang words.

Key words and phrases: slang; jargon; student slang; emotives; psycholinguistic experiment; foreign students.

УДК 81'373.21

Филологические науки

В статье, посвященной изучению островной топонимии поволжских немцев, описана решающая роль оппозиции «свой-чужой» в ментально-языковом освоении пространства аллохтонным коллективом. Анализируются предпосылки формирования особого островного менталитета, определившего тенденцию к самоизоляции миноритарного этноса. В фокусе внимания – способы её языковой реализации в топонимических микросистемах языковых островов. Работа основана на ранее не исследовавшемся архивном материале.

Ключевые слова и фразы: оппозиция «свой-чужой»; межэтническое взаимодействие; поволжские немцы; языковой остров; микротопонимия; топонимические микросистемы.

Сычалина Екатерина Вячеславовна, к. филол. н.

*Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
antkate@yandex.ru*

ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» В МИКРОТОПОНИМИИ ПОВОЛЖСКИХ НЕМЦЕВ©

Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 14-04-00281 «Социолингвистические предпосылки формирования единого языка общения российских немцев в условиях иноязычного окружения».

Дихотомия «свой-чужой» широко изучается в современном языкознании (Н. Д. Арутюнова (1991 г., 1999 г.), И. С. Выходцева (2006 г.), Л. И. Гришаева (2003 г., 2004 г.), О. С. Иссерс (1999 г., 2007 г., 2011 г.), В. В. Красных (2003 г.), Ю. М. Лотман (1994 г.), А. М. Нехорошева (2012 г.), М. Л. Петрова (2006 г.), Ю. С. Степанов (2004 г.), Е. И. Шейгал (2000 г., 2003 г.) и др.). В рамках когнитивного подхода она часто рассматривается либо как единый многослойный концепт, либо как два взаимосвязанных концепта. При этом все исследователи едины во мнении, что оппозиция «свой-чужой» является основополагающей в модели мира, она пронизывает всю культуру народа и является базовым компонентом любого коллективного, национального мироощущения.

Исследуемая оппозиция есть своего рода универсалия, присущая сознанию любой общности и играющая решающую роль в её консолидации. Это древнейшая дихотомия, согласно которой, по образному выражению

известного лингвиста С. Г. Тер-Минасовой, родная культура становится и щитом, охраняющим национальное своеобразие народа, и глухим забором, ограждающим от других народов и культур [10, с. 19].

Конфронтация «своего» и «чужого» наиболее явственно обнаруживает себя в ходе непосредственного межэтнического взаимодействия. Языковые и культурные отличия воспринимаются представителями разных этносов через призму «своего» (традиционного, повторяющегося, понятного), а «чужое» интерпретируется как «отклонение от нормы» [9, с. 18], непонятное, неправильное, что приводит к напряженности в процессе этноязыкового контактирования.

Сказанное объясняет необходимость и перспективность изучения языковых и культурных контактов в регионах, неоднородных в этническом отношении. Одним из таких регионов многие сотни лет является Поволжье. Здесь, в условиях инонационального окружения и продолжительной изоляции от исторической родины, сложилась уникальная этническая группа – поволжские немцы. Традиционно эти особые условия формирования и функционирования языка данного аллохтонного коллектива характеризуют как языковой остров. Согласно определению К. Маттхейера, языковой остров есть языковое меньшинство, отдаленное от его языковой родины географически и окруженное иноязычным и инонациональным сообществом, отделяющееся или отделяемое от контактного сообщества вследствие ряда объективных отличий. Они и порождают особую социально-психологическую диспозицию, или островной менталитет, что является причиной ненаступления или затягивания уподобления контактному сообществу в языковом и культурном отношении [11, S. 16].

Сложный социально-исторический процесс развития языкового острова, как, впрочем, и любого многоязычного общества, определяется действием двух противоположно направленных сил: потребностью в идентичности и потребностью во взаимопонимании с соседними народами. Стремление сохранить свою национальную самобытность, осознание себя как особого языкового, религиозного, культурного сообщества сталкивается с естественной необходимостью взаимодействия с иноязычным окружением, приспособления к новым условиям жизни. Осознание идентичности – важное условие успешной консолидации переселенческого коллектива, после которой наступает стадия устойчивости (равновесия). Она часто характеризуется экономической и культурной самоизоляцией островного сообщества. Так, многие историки, лингвисты, этнографы отмечают замкнутость немецких общин в Поволжье, редкость национально-смешанных браков, приверженность исконным конфессиям и монолингвальность более чем 80% колонистов вплоть до их депортации в 1941 году. Современные полевые исследования языка российских немцев в регионах их компактного проживания подтверждают определяющую роль перечисленных социолингвистических факторов в сохранности «малого» языка до сегодняшних дней либо его утрате [1].

Предпринятый нами анализ историко-политических и этноязыковых процессов в немецких поселениях на Волге [8] позволяет утверждать, что поволжским немцам после более чем 150-летнего проживания в условиях иноязычного окружения удалось сохранить свои лингвокультурные традиции и целостность этнической группы, что во многом объясняется сильным этническим самосознанием переселенцев. Для этнической психологии поволжских немцев всегда было характерно четкое противопоставление «своих» и «чужих», а это, согласно наиболее авторитетным определениям, и составляет основу этнического самосознания [7, с. 129].

Для понимания всего исторического процесса появления и жизни немцев в России важным является то, что в конце XVIII века в Россию переселялись не посланцы единой нации, а представители различных национальных групп, хотя и имевших много общего. Единой немецкой нации не было фактически до середины XIX века. Различные народности (баварцы, саксонцы, швабы, франконцы и др.) разделялись не только границами государств, но и своим образом жизни, ментальностью, диалектами, обычаями. Образовавшиеся группы компактного проживания немцев в различных районах России были весьма неоднородны. Известно, что расселение колонистов как в материнских, так и в дочерних колониях на Волге осуществлялось не по территориальному признаку (общий регион выхода), а по конфессиональному, поэтому в литературе нередко встречается градация диалектов поволжских немцев на «католические», «лютеранские» и «меннонитские». Такой принцип расселения обусловил смешение колонистских диалектов и возникновение своеобразных койне, или диалектов выравнивания (*Ausgleichsdialekte*). Так, известный исследователь диалектов поволжских немцев А. П. Дульзон отмечает, что все колониальные говоры Нижнего Поволжья можно считать более или менее смешанными. Примером тому может служить католическое село Прайс, диалект которого А. П. Дульзон описал в своей диссертации [6]. По его данным, Прайс основали выходцы из 129 населенных пунктов Германии. Таким образом, каждый немецкий островной говор на Волге был уникален и неповторим, отчего каждое «жизненное проявление» исследуемых языковых островов имело особенные черты.

Одним из таких важных свидетельств существования и успешного функционирования островного сообщества является его топонимия. При перечислении факторов, формирующих этнос как целостную систему, нередко называют топонимию [3, с. 47], поскольку определение любой этнической общности обязательно включает указание на общность территории проживания, где формируется национальная топонимия – система географических названий на языке данной этнической группы. В условиях межэтнического взаимодействия стабильное использование малыми этносами их национальной топонимии имеет особое значение и может считаться важным проявлением этнического самосознания.

Анализ немецкой топонимии Поволжья показывает, что в пределах каждого языкового острова функционировала своя система обозначения географических реалий, обусловленная единством жизненного пространства, совместным хозяйствованием и коммуникативными потребностями, – топонимическая микросистема, наследовавшая черты уникального говора отдельной немецкой общины.

Топонимическую микросистему традиционно трактуют как упорядоченное множество микропонимов, «бытующих чаще всего в пределах земельных угодий *одного* села» и *не известных* в другом населенном пункте [2, с. 18-19]. На наш взгляд, малоизвестность не может считаться существенным признаком микропонима и абсолютным критерием при выделении границ микросистемы. Права Л. М. Дмитриева, которая считает, что степень известности имени определяется не только (и не столько) спецификой географического положения и истории, а особенностями ментально-языкового освоения окружающего пространства. Данный исследователь, применяя полевой подход к структурированию топонимического пространства, приходит к выводу, что в микросистеме могут быть выделены ядерные и периферийные части. Ядро топонимической микросистемы составляют названия не столько ближайших, сколько важнейших объектов. Они обнаруживаются при выделении зон пересечения индивидуальных представлений людей об окружающей местности, в терминологии автора – зон пересечения субансамблей. Единицы, не имеющие пересечений с другими субъективными, составляют периферию микросистемы. При этом компоненты ядра одной микросистемы могут быть периферийными для другой микросистемы, и наоборот. Л. М. Дмитриева делает, таким образом, важное заключение о взаимосвязи микросистем внутри региональной топонимической системы: «Через периферию каждая микросистема пересекается и постепенно переходит в пределы других систем, и так они образуют целостную *топонимическую сеть*» [5, с. 167]. Вышесказанное подтверждает, во-первых, несостоятельность критерия «известность в пределах одной микросистемы» при выделении границ последней, во-вторых, связь топонимических систем отдельных языковых островов внутри национальной топонимии. Эта связь обеспечивает её целостность и определяет общие черты микросистем.

Яркой особенностью микропонимии поволжских немцев является маркирование границ «своей» территории посредством топонимов. Эта закономерность бросается в глаза при изучении основного источника микропонимов – краеведческих материалов к книге «Наш кантон», подготовленных в 1928-1929 гг. директорами и учителями сельских школ [4, д. 160-174]. Ценность данного источника заключается в том, что он отражает целостную картину топонимического ландшафта населенных пунктов и содержит в ряде случаев народно-этимологические интерпретации имен и легенды, связанные с теми или иными объектами на местности. Вот пример одной из них: «В восьми верстах от деревни стоял долгие годы столб – *Полюс (Pol)*, он означал старую границу. Это место и сейчас еще называется у *Полюса/на Полюсе (am Pol)*. Кто до этого места по какой-то причине от деревни отдалялся, слыл героем. Здесь черти водились, как и во многих других местах» [Там же, д. 163, л. 5]. Данные архивные материалы и карты немецких поволжских поселений свидетельствуют, что для менталитета колониста в условиях тесного соседства с представителями других этносов (русскими, украинцами, татарами) концептуальная оппозиция «свой-чужие» приобретает особую значимость и переносится на пространственные отношения, выражаясь в топонимах с прямым указанием на границы их жизненно важного пространства: *die alte Grenz, die neue Grenz, Grenzkring, Grenzgraben, Grenzgräbche, Grenzweise*.

Ту же функцию выполняют этнонимные топонимы с компонентом *Russe*: *Russenberg (Anton)*, *Russenbuckel (Mühlberg)*, *Russeneck (поле – Graf)*, *Russenfeld (Huck)*, *Russenfurche (граница в степи – Näb)*, *Russengraben (Huck, Kutter, Schönchen)*, *Russegraawe (Graf)*, *Russengrund (овраг – Norka)*, *долина – Müller)*, *Russekling (Galka)*, *Russenrakowka (родник – Dobrinka)*, *Russenwald (Mühlberg)*, *Russenweiher (Graf)*. Зафиксированы и другие этнонимы: *Tataredelche (лес – Holstein)*, *Franzosengraben (Josefstal)*, *Chachlatzke (родник – Huck)*, *Kahollen Graben (Hildmann)*. Ментальный смысл данных микропонимов очевиден: поволжские колонисты в своем стремлении к обособленности и изоляции от сопредельных этносов очерчивают таким образом границы «своей» территории.

Топонимы, содержащие этнонимы *Kalmücke* и *Kirgise*, – *Kalmuckenberg (Boaro)*, *Kalmuckebrick (Preuß)*, *Kalmuckenbuckel (Dobrinka)*, *Kalmuckengraben (Näb, Brockhausen)*, *Kalmuckenherrgottshöhe (Zug)*, *Gergiserkippel (Schaffhausen)*, *Kärgiserberch (Brunntental)*, *Kirgisenschanz (вал вокруг Екатериненштадта, сооруженный для защиты от набегов кочевников) – мы относим к разряду ситуативных наименований, т.е. мотивированных не свойствами объектов или отношениями, а событиями (ситуацией)*. Как известно, колонии поволжских немцев в 70-е годы XVIII столетия неоднократно подвергались жестокому нападению кочевников, и указанные микропонимы, очевидно, фиксируют место столкновения с ними. Наличие этих компонентов в топонимической микросистеме характеризует ее как чрезвычайно устойчивый организм (данные топонимы были зафиксированы в 20-е годы XX века), что объясняется связью названий с историей, значимостью отражаемых событий, а также активным употреблением наименований жителями.

Интересно, что исследуемое концептуальное противопоставление «свой-чужой» выражалось на топонимическом уровне не только в отношении инонационального окружения. Оно распространялось и на соседние немецкие общины, что объяснялось общинной системой землепользования и высокой ценностью земли для крестьянина. Так, зафиксированы, например, микропонимы *Schwabengraben (Zug)*, *Schwobelimanenkippel* («Назван так потому, что расположен на границе с Фриденбергом, жителей которого называли швабами. Недалеко от упомянутого холма – лиман» [Там же, д. 164, л. 75 об.]). Об этом стремлении к обособлению и значимости плодородных земель для общины, занимающейся сельскохозяйственным трудом, свидетельствуют и старые предания колонистов, например, легенда о «Землемере»: «Однажды назначались новые границы Шафгаузена. Занимались этим замерщик коронных земель и уполномоченный из Шафгаузена. Все шло хорошо до *Бычьего холма (Ochsenkippel)*. Тут землемер говорит: – Видите перед собой прекрасную долину с плодородной почвой? Коль подарите мне охотничье ружье с сапогами, отрежу вам земли до самой Маянки, а нет, так обойду долину, и вы ничего не получите...» [Там же, д. 168, л. 57]. Мотивированные

пограничным положением топообъекта или его нахождением на «чужой» территории географические названия демонстрируют еще один способ маркирования границ микросистем. Они относятся к составным топонимам с препозитивным уточнителем в форме несклоняемого прилагательного: *Lauber Berg* (Jost), *die Huckera Stabruchsklinga*, *die Bobrowkaer Tränk* (Dönnhof), *Srteckerauer Graben* (Brunntal), *Messerer Graben*, *Beideckerer Graben* (Kutter), *Krafter Graben*, *Holsteiner Graben*, *Kotower Berg* (граничит с селом Котово – Oberberg). «...довольно высокая, но отлогая гора, называемая жителями *Linden*, или *Berg*, и *Hansauer Berg*. Обе горы находятся в пределах земельных угодий не села Ней-Варенбург, а, как следует из самих названий, – населенных пунктов Линденау и Гансау соответственно» [Там же, д. 164, л. 32].

Употребление нарицательных имен в функции собственных без каких-либо словообразовательных изменений, как было упомянуто в последней цитате, свойственно целому ряду исследуемых топонимических микросистем.

«За деревней, на расстоянии 250 метров, находится глубокий овраг, называемый –*der Graben*» [Там же, д. 169, л. 35].

«Земля села Шенхен разрезана одиннадцатью оврагами и овражками, из которых самый первый проходит сразу за деревней и называется просто –*Graben*» [Там же, л. 80].

«Западнее реки находится луг *Wiesse*... Восточнее Тарлыка, до самой границы с Прейсом располагается, образуя четырехугольник, луг, названный *Grund*, в отличие от *Wiess*» [Там же, д. 164, л. 23].

Тенденция к монотопонимизации, т.е. выделению в отдельной локальной топосистеме объекта, являющегося единственным представителем данного класса географических реалий, когда в основу топонима кладется географический термин, не имеющий конкретизирующих определений (оз. *Озеро*, р. *Речка*, Fl. *Fluß*), является очередным свидетельством суженности пространственного горизонта носителей топонимической системы, их замкнутости в пределах ограниченной территории.

Предпринятый анализ источников микротопонимов позволяет сделать вывод об определяющей роли оппозиции «свой-чужой» в освоении окружающего пространства немецкими колонистами. Стремясь к обособлению в пределах своего микромира, соотносимого в пространственном отношении с топонимической микросистемой конкретного языкового острова, поволжские немцы четко фиксируют границы «своей» и «чужой» жизненно важной территории. На топонимическом уровне исследуемая оппозиция реализуется преимущественно в названиях, прямо указывающих на эти границы (прежде всего в сознании самого носителя топонимикона), либо в оттопонимных и оттопонимических образованиях с наименованием соседнего поселения в их структуре.

Список литературы

1. Александров О. А., Андреева О. А. Моделирование социолингвистической ситуации «малого» языка по данным обыденного метаязыкового сознания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4. Ч. 3. С. 16-19.
2. Воробьева И. А. Русская топонимия средней части бассейна Оби. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973. 247 с.
3. Герд А. С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. 457 с.
4. Государственный исторический архив немцев Поволжья (ГИАНП). Ф. 1831. Оп. 1.
5. Дмитриева Л. М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 254 с.
6. Дульзон А. П. Проблема смещения диалектов по материалам говора с. Прайс. Саратов, 1938. 530 с.
7. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
8. Сычалина Е. В. Немецкая топонимия Поволжья: социолингвистический аспект исследования: дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2008. 251 с.
9. Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. науч. тр. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 7-22.
10. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово / Slovo, 2000. 624 с.
11. Mattheier K. J. Sprachinseltod: Überlegungen zur Entwicklungsdynamik von Sprachinseln // Deutsche Sprachinseln weltweit: Interne und externe Perspektiven. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2003. S. 13-31.

THE OPPOSITION «FRIEND-FOE» IN MICRO-TOPONYMY OF THE VOLGA GERMANS

Sychalina Ekaterina Vyacheslavovna, Ph. D. in Philology
National Research Saratov Chernyshevsky State University
antkate@yandex.ru

The article devoted to the investigation of insular toponymy of the Volga Germans describes the major role of the opposition «friend-foe» in the mental and linguistic development of the space by allochthonous community. The author analyzes the backgrounds for the formation of a special insular mentality determining the tendency for self-isolation of a minority ethnos. The researcher accentuates the methods for its linguistic representation in the toponymical micro-systems of language insulars. The paper is based on the archival material not investigated previously.

Key words and phrases: opposition «friend-foe»; inter-ethnic interaction; the Volga Germans; language insular; micro-toponymy; toponymical micro-systems.